

УДК 343.3

**НОВАЯ РЕДАКЦИЯ Ч. 1 СТ. 282 УК РФ, КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ
О РОЛИ И МЕСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

© 2019 г. А.С. Бурцев¹, И.В. Миронюк¹, А.Ю. Гордеев²

¹Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

²Белгородский юридический
институт МВД России имени
И.Д. Путилина
308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

*Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
308024 Belgorod, Gorky 71*

Статья посвящена проблемным вопросам, связанным со становлением в российском уголовном праве и законодательстве административной преюдиции. В работе проводится анализ высказанных в адрес административной преюдиции критических замечаний. Несмотря на то, что данный институт уже занял свое место в науке уголовного права и законодательстве, его парадигма нуждается в дальнейшем исследовании и выработке рекомендаций как для законодателя, так и для правоприменителей. Проведенный анализ может позволить решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной практике в связи с применением ч. 1 ст. 282 УК РФ, а также иных уголовно-правовых норм с административной преюдицией.

Ключевые слова: *уголовный закон, право, административная преюдиция, ответственность, экстремизм, суд, законодатель.*

The article examined the problem of administrative prejudice in criminal law and law-enforcement procedure. Despite the fact that this institution took its place in criminal-law science and legislation, its paradigm needs further researching and making recommendations for legislators and law-enforcement bodies. The current analysis can tackle some problematic issues of law-enforcement procedure of p. 1 Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation and other norms with the administrative prejudice.

Keywords: *criminal law, law, administrative prejudice, liability, extremism, court, legislator.*

Когда в начале октября 2018 г. статья «Судейское слово в защиту «экстремиста»», позже опубликованная в ноябрьском номере журнала [1, с. 85-88] была закончена и готова к печати, Президент Российской Федерации В.В. Путин внес в Государственную Думу Российской Федерации предложения по частичной декриминализации ст. 282 УК РФ. Поэтому, несмотря на то, что был уже собран материал для следующей публикации, мы решили сделать небольшую паузу и дождаться законодательного оформления президентских инициатив. И вот 27 декабря 2018 г. они обрели силу закона [2].

Как и ожидалось, наиболее значительные изменения законодательства коснулись части 1 ст. 282 УК РФ. При этом их законодательный радикализм в части «пересборки» нормы с применением административной преюдиции был настолько высок, что еще до принятия Закона № 519-ФЗ от 27 декабря 2018 г. вызвал мгновенный и живейший отклик у юридической общественности и, прежде всего, адвокатов. Нам интересны высказанные ими как критические, так и позитивные отзывы, поскольку их авторы не понаслышке знают, как действует уголовный закон, а также какие препятствия и «перегибы» встречаются на его пути.

Прежде всего, юристы выразили опасение, что внесенные законодателем изменения не смогут значительно повлиять на «антиэкстремистскую» правоприменительную практику (уголовное преследование за т.н. «лайки» и репосты»), поскольку они не касаются достаточно аморфной диспозиции ст. 282 УК РФ, в значительной степени повлиявшей на формирование негативной судебной практики по данной статье.

Более серьезное замечание было высказано вице-президентом Федеральной палаты адвокатов Генри Резником, в целом позитивно оценившим предлагаемые изменения, однако заметившим, что повторность правонарушения будет образовывать ответственность по УК РФ, что не соответствует разграничению уголовной и административной ответственности. «Уголовная ответ-

ственность наступает тогда, когда деяние имеет общественную опасность, а вред, который наносит административное правонарушение, существенно ниже», – пояснил Генри Резник [3].

Полагаем, что высказанные уважаемым адвокатом суждения дадут новый импульс научному дискурсу на тему о необходимости существования административной преюдиции и основанных на ней правовых конструкций в уголовном законодательстве Российской Федерации. Не остались в стороне от этой дискуссии и мы.

Не видя необходимости в анализе правовой природы данной категории, скажем, что ее суть достаточно исчерпывающе изложена в современной редакции ч. 1 ст. 282 УК РФ: «1. Действия, направленные на возбуждение (...), лицом, после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» [4]. Вместе с тем, в УК РФ существуют и иные варианты ее закрепления: статья 212.1 УК РФ позволяет подвергать уголовному преследованию за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лицо, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлеченное к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП РФ.

Несмотря на то, что в практике нынешнего законодательства насчитывается уже 18 статей КоАП РФ, которые в случае повторности образуют уголовно наказуемое деяние (ст. ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, 215.4, 264.1, 284.1 УК РФ и др.), в уголовном законе официальное, системное толкование административной преюдиции отсутствует, вследствие чего законодатель постулирует этот институт непосредственно в диспозициях конкретных статей Уголовного кодекса Российской Федерации и примечаниях к ним (ст. ст. 212.1, 314.1 УК РФ) [5, с. 26]. Именно так законодатель поступил в ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Вкратце заметим, что современная административная преюдиция своими корнями уходит в постреволюционное, советское законодательство и насчитывает почти столетнюю историю. Ее официальное «рождение» связано с принятием Уголовного кодекса РСФСР в 1922 года [6]. Содержавшаяся в нем ст. 79 предусматривала наступление уголовной ответственности за «повторный и упорный неплатеж налогов или отказ от исполнения работ или повинностей или иные действия, устанавливающие злостность неплательщиков». Совершение указанных деяний впервые наказывалось в административном порядке. Чуть позже к ст. 79 присоединилась ст. 139-а УК РСФСР, которая также содержала в себе административную преюдицию. С принятием УК РСФСР 1926 года [7] увеличение числа таких статей стало тенденцией. На момент принятия кодекс содержал две таких статьи: 61 и 85. Далее, в 1934 году, в дополнение к ним административная преюдиция добавилась в ч. 2 ст. 192-а УК РСФСР. Дальнейшее расширение административной преюдиции связано с вступлением в законную силу Уголовного кодекса РСФСР 1960 года [8]. Изначально он содержал 7 таких статей, а в 1996 году, на момент принятия УК РФ, их было уже 25.

По оценке Ч.Ф. Мустафаева, в уголовных кодексах союзных республик СССР насчитывалось около 40 норм с административной преюдицией [9, с. 4], которые обеспечивали уголовно-правовую защиту общественных отношений собственности, хозяйственной деятельности, порядка управления и пр. [10, с. 294].

Все изменилось в 1993 году, с принятием Конституции Российской Федерации [11], декларирующей, что «никто не может быть повторно осужден за одно и то же деяние» (ст. 50). Как отметил А.А. Юнусов, реализация этого принципа повлекла отказ законодателя от использования административной преюдиции в Уголовном кодексе 1996 года [12, с. 280].

В связи с этим, примечательна позиция, высказанная Конституционным Судом Российской Федерации еще в 2003 году и состоящая в том, что отмеченный выше принцип *non bis in idem* - в его конституционно-правовой интерпретации, с учетом положения УК РФ (ст. 3, 5, 6, 8 и 14) - означает, что уголовный закон должен исключить возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, а, следовательно, повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности (в данном случае, уголовной) невозможно [13]. Это было очевидно уже в период разработки и принятия УК РФ, и поэтому не совсем понятно, почему законодатель был столь односторонним и категоричен в толковании конституционной нормы. Сеем думать, что оно явилось следствием того, что авторы Конституции в формулировке ст. 50 применили достаточно обтекаемый термин «деяние», в равной степени имеющий отношение и к административному правонарушению, и к преступлению. Однако следует заметить, что привлечение к административной ответственности с последующим назначением административного наказания уголовным законом не регулируется.

Анализ существующих позиций и точек зрения юристов-правоведов позволяет сделать вывод о том, что среди них немало тех, кто негативно относится к появлению в уголовном законодательстве института административной преюдиции [14, с. 119-125].

В целом, такая критика строится на том, что административные правонарушения не обладают криминальной общественной опасностью, а являются вредоносными. Кроме того, четкие критерии общественной опасности, как основного и обязательного признака преступного деяния, отсутствуют, что затрудняет установление границ между правовыми инструментами уголовно и административно-правового характера.

Еще одним критикуемым моментом с точки зрения противников административной преюдиции является то, что ее применение в целях криминализации деяний ведет к тому, что в качестве единичного преступления объявляются несколько административных правонарушений, при отсутствии между ними какой-либо внутренней связи. По мнению Н.А. Лопашенко, законодатель на определенном этапе механически устанавливает, что некая совокупность административных правонарушений является преступной, хотя в каждом случае «воля лица, совершившего это правонарушение, реализуется в указанном отдельном правонарушении до конца», а такие деяния не связаны между собой единым умыслом этого лица [15, с. 79-80].

Схожие с уважаемым автором позиции занимают А.А. Гогин [16, с. 27-30], Н.И. Хавронюк [17], А.Н. Тарбагаев [18, с. 65], В.В. Марчук [19], А.В. Рагулин [20] и др. Им оппонируют Г.Н. Борзенков [21, с. 114], Т.Д. Устинова [22, с. 102], В.И. Радченко [23], А.П. Шергин [24, с. 299], Г.В. Ямашева [25, с. 69] и др. Считаем, что их мнение более весомо, поскольку подтверждено позицией законодателя, на протяжении ряда лет вносившего соответствующие изменения в Особенную часть УК РФ, что повлекло формальное закрепление института административной преюдиции в ряде составов преступлений.

В связи с этим, заметным событием явилось постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 г. № 20, послужившее научно и практически обоснованным ответом критикам присутствия в УК РФ норм с административной преюдицией. Суд установил, что «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе, их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления).

С учетом этого, федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации) и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т.е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией» [26, п. 4.1].

Обращение высокого судебного внимания на возможность аккумуляции общественной опасности (вредоносности) повторного (многократного) совершения лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений до степени, когда они могут представлять общественную опасность правам и свободам человека и гражданина, законности и правопорядку, а следовательно, не исключающей законодательной корректировки в виде преобразования (криминализации) составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений, является вполне обоснованным.

Считаем, что упомянутая корректировка является достаточно адекватным законодательным ответом на случаи, когда имеющиеся административно-правовые средства оказываются недостаточно эффективными для воздействия на субъекта, повторно (многократно) совершившего однородные (аналогичные) административные правонарушения, сближающиеся с уголовно наказуемыми деяниями и при определенных условиях способных причинить ощутимый вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона. О том, что такие случаи нередки, свидетельствует следующий пример. До сих пор у всех на слуху имя стритрейсерши Мары Багдасарян (Мара 049 (такое прозвище она имеет среди друзей из-за номера своей машины), Мара Мерседесова, Мара Беноева и др.). Учítывая, что девушка никогда не думала соблюдать правила на дорогах, число выписанных ей в 2015-2017 г. г. штрафов выросло до 320, на общую сумму в несколько миллионов рублей. В 2017 году М. Багдасарян была пожизненно лишена водительских прав. Однако вскоре девушка нарушила запрет на управление транспортным средством и вновь была задержана сотрудниками ДПС, когда автомобиль под ее управлением мчался по улицам г.

Москвы со скоростью 240 км в час. К сожалению, не все «заезды» М. Багдасарян заканчивались штрафами. В начале 2015 года она многократно превысила скорость, вследствие чего управляемый ею автомобиль вылетел на встречную полосу движения и столкнулся с другими машинами. В результате катастрофы погибло три человека: владелец BMW, пассажир этого авто, а также водитель Range Rover [27].

Другой пример. Страна только недавно стала забывать практически ежедневные телевизионные сюжеты, в которых сотрудники полиции в разных городах России с риском для окружающих людей и транспортных средств преследовали автомобили под управлением нетрезвых водителей, а когда, наконец, задерживали их, выяснялось, что пьяный до состояния невменяемости «водитель» уже многократно лишался прав, что не мешало ему снова и снова садиться за руль. Только введение в УК РФ статьи 264.1. «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию» позволило значительно сократить количество таких правонарушений, поскольку перед их фигурантами замаячил реальный срок [28]. При этом, как отмечают Грачева Ю.В. и Чучаев А.И., данная законодательная новелла не является абсолютной, поскольку в УК РСФСР присутствовала ст. 211.1 следующего содержания: «Управление автомобилем, трактором или иной самоходной машиной лицом, находящимся в состоянии опьянения и лишенным права на управление транспортными средствами за такое нарушение» [29, с. 10-15]. Действовала она до 1992 года.

Таким образом, следует констатировать, что сегодня институт административной преюдиции окончательно перешел из доктринальной научной плоскости в поле нормативно-правовой регламентации отдельных составов преступлений, закреплённых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [30].

Однако для того, чтобы административная преюдиция стала полноценным институтом уголовно-правовой науки и законодательства, необходимо закрепить однозначную трактовку данного термина в науке уголовного права, выработать единые правила юридической техники при конструировании соответствующих уголовно-правовых норм и преодолеть недоверие к институту административной преюдиции со стороны отдельных ученых и практиков, до сих пор считающих ее репрессивным инструментом в руках государства.

Последнее, кстати, легко опровергается редакцией ч. 1 ст. 282 УК РФ от 27 декабря 2018 г., позволившей исключить из судебной практики случаи чрезмерно сурового наказания за разовую, неосторожную публикацию в интернете.

Литература

1. Бурцев А.С., Миронюк И.В. Судейское слово в защиту «экстремиста» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. №11(102). С. 85-88.
2. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL:<http://www.consultant.ru>; Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»/ <http://www.consultant.ru>
3. Барановский А. Госдума ввела административную преюдицию в ст. 282 УК // Адвокатская газета. 20 декабря 2018 г.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
5. Антонович Е. К., Осипов А. Л. Актуальные вопросы применения института административной преюдиции в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2017. № 1. С. 26.
6. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР.» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР.») // СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153 (Документ утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928.).
7. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80, ст. 600 (Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961).
8. Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591.
9. Мустафаев Ч.Ф.с.4.
10. Одоев О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: историко-правовой и институционально-доктринальный анализ // Уголовное право и современность: сб. науч. ст. М., 2014. Вып. 5. С. 294.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. ст. 4398.
12. Юнусов А.А. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 280.
13. «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне». Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/#dst0
14. Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 119-125.
15. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3. С. 79-80.
16. Гогин А.А. К вопросу об ответственности в сфере антимонопольных отношений // Конкурентное право. 2015. № 4. С. 27-30.
17. Хавронюк Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения европейских стран // URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280 (дата обращения: 11.01.2019).
18. Таргабаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 65.
19. Марчук В.В. Новый КоАП Республики Беларусь и квалификация преступлений, обусловленных административной преюдицией // URL:https://law.bsu.by/pub/11/Marchuk_13.pdf (дата обращения: 11.01.2019).
20. Рагулин А.В. Проекты реформирования Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях: анализ содержания и предложения по совершенствованию // Евразийский юридический журнал. 2009. №8.
21. Борзенков Г.Н. Тенденции и перспективы уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительного временного анализа) // Уголовное право в XXI веке. Материалы международной научной конференции. М., 2002. С. 114.
22. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 102.
23. Радченко В.И. Хорошо сидим // Российская газета. 2008. № 4741.
24. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 2005. С. 299.
25. Ямашева Г.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69.
26. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Российская газета, № 41, 28.02.2017.
27. URL:<https://biographe.ru/znamenitosti/mara-bagdasaryan/> (дата обращения: 11.01.2019).
28. Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Российская газета, № 1, 12.01.2015.
29. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Дополнительные уголовно-правовые меры обеспечения безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2015. № 3. С. 10-15.
30. Лапина М.А., Трунцевский Ю.В., Карпухин Д.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период / URL:http://e-notabene.ru/al/article_15899.html (дата обращения: 11.01.2019).